

НОВОЕ ИМЯ

Родилась в городе Лаишеве (Татарстан), живёт и работает в Казани. По образованию бухгалтер. Она давно поняла не только красоту цифр, но и красоту языка и силу слова. Наблюдая за судьбами людей, облекает их истории в сюжеты и пишет рассказы. С 2019 года ведёт в Интернете блог авторской прозы «Кофейные романы Айгуль Галиакберовой». В печатном издании публикуется впервые

рассказ

Айгуль Галиакберова

Сапсан

Глава 1

КОМПАНИЯ молодых людей весело и шумно шла по улице. Прохожие шаркались и старались не попадаться на её пути. Кто-то вышел из подъезда и, завидев толпу, затаился у дверей, поджидая, пока компания не пройдёт дальше. Кто-то перешёл на другую сторону, кто-то шмыгнул в магазин...

А парни шли, чувствуя себя королями этого города. Да что города? Мира! Они молоды, красивы, у них (а точнее, у их родителей) достаточно денег, чтобы делать всё, что душа пожелает. А душа в данный момент желает кутить и наслаждаться жизнью.

– Онли ю-ю-ю, – орали двое, идущих впереди, – кэн ду-у ме-ейк...

– А не пропустить ли нам по вискарику? – спросил кто-то из компании.

– Не-а, бухло в меня уже не лезет.

– Слабак!

– Сам ты... Знаешь, сколько колёс я сегодня закинул?

– Уехать отсюда хватит?

– Не только уехать, улететь в далёкие дали хватит! Гы-гы-гы.

– Ха, Мирон – красава, реально крутую дурь нашёл! Где такая растёт?

– Места знать надо!

– Наверное, в дружественном Туркменистане, гы-гы-гы.

– Точняк! Они там знают секреты выращивания дури. Небось удобряют знатно.

– Ага, опорожняются под каждый куст. Ха!

– Мужики, глядите – выходец дружественного Туркменистана! Пошли спросим у него секреты земледелия!

Пятеро друзей направились к неважно одетому мужчине, по внешности явно приехавшему из Средней Азии.

– Здравсьте, уважаемый!..

Шухрат открыл глаза, сел на раскладушке и взял в руки старый будильник с глубокой царапиной на стекле. Царапина пролегла по диагонали от цифры

одиннадцати до пяти и была похожа на дополнительную стрелку, поэтому мужчина не сразу сообразил, сколько времени. А когда понял, что уже почти семь часов вечера, засуетился:

– Вай-вай-вай, как же я проспал! Скоро пекарня закроется, Гулия без самсы останется.

Мужчина наспех натянул свитер, старую засаленную куртку, шапку. Пощупал карманы штанов – деньги на месте – и вышел из комнаты. Всё он это проделал в темноте, довольствуясь только светом уличного фонаря. Обстановка в комнате была скудной: раскладушка с матрасом, старый стул, не менее старый стол, застеленный клеёнкой. На столе горка, накрытая полотенцем, по-видимому, еда и посуда. В углу допотопный холодильник. Пожалуй, самой новой мебелью здесь был комод, но в темноте он не отличался от всего остального. Возле двери притаились метла, две лопаты и ледоруб. На крючке над ними висел оранжевый жилет.

Шухрат поспешно вышел в коридор, повернул на два оборота ключ и, сунув его на ходу в карман, поспешил к лестнице.

На улице поёжился – сколько живёт здесь, а к ноябрю месяцу так и не привык – и пошёл в сторону пекарни. Если сегодня работает Рая, то он успеет, а если Катерина, то придётся бежать, потому как Катерина любила заканчивать рабочий день минут на десять пораньше. Ему оставалось перейти дорогу, пройти ещё метров сто, свернуть за остановку, и он был бы на месте. Но тут его окликнули:

– Здравсьте, уважаемый!..

Шухрат даже не сразу понял, что обращаются к нему, но тут же ощутил опасность. Так дикий зверь чует приближение охотника.

– А-а-а, – ответил он, не привыкшим к разговорам, оттого и хриплым голосом.

– Уважаемый, не подскажите ли вы нам, как вырастить отборный каннабис?

– Не знаю, – шепнул Шухрат и попытался пройти мимо парней. Но ему на плечо легла тяжёлая рука и он, и

без того сгорбленный, стал ещё ниже. Обернулся – перед ним стоял высокий, плечистый парень в растёгнутой кожаной куртке. На белой шее татуировка: расправив крылья, летит сапсан.

– Как же ты не знаешь, уважаемый? Все вы, хитрожопые, под дурачков косите, а у самого, сто пудов, на подоконнике апельсера колосится. Поделишься, брат?

– Нет у меня ничего, – пробормотал Шухрат, понимая, что ни одно его слово не долетает до ушей «собеседников».

– А давай-ка мы проверим! Хенде хох!

Шухрат взглядом затравленного зверя смотрел на парней.

– Хенде хох! – наклонившись прямо в ухо, заорал один из них, остальные загоготали. Шухрат дёрнулся в сторону.

– Куда же ты, уважаемый? Мы ещё не договорили.

– Пропустите, пожалуйста, – прошептал мужчина.

– О, да наш узкоглазый друг, оказывается, вежливые слова знает. Давай играть в слова. – Парень толкнул Шухрата к одному из друзей и крикнул: – Астана. Тебе на букву «А».

– Астрахань. Тебе на «Н», – толкнул к третьему.

– Новосибирск, тебе на «К» – толкнул к четвёртому.

– Конопля-я-я, – заорал пятый, и вся компания разразилась хохотом, и уже не называя города, толкали и толкали мужчину друг к другу.

Вскоре Шухрат упал и остался лежать на мокром асфальте.

– Э, уважаемый, мы так не договаривались. А ну, вставай!

– Слышь, Мирон, какие нынче выходцы из дружественных стран нежные пошли!

– А мы щас поможем ему, правда ведь?

– Базара ноль!

И пятеро молодых, здоровых парней, начали остервенело пинать незнакомца.

– Стоп, мужики. Походу наш нежный друг изволил концы отдать.

– Да хрен с ним, одним больше, одним меньше!

– Смываемся, пока не поздно!

– Теперь можно и вискаря в баре накатить.

Компания, получившая свою дозу адреналина, быстро скрылась за углом дома. А на сыром асфальте остался лежать человек, полчаса назад спешивший за самсой...

Глава 2

– Лиза, как ночь прошла? – Зинаида Петровна зашла в комнату для персонала и начала переодеваться.

– Плохо, тётъ Зин, смена тяжёлая была. Привезли мужика какого-то, Андрей Леонидович несколько часов над ним колдовал, а пока его не было, народу набралось, как на демонстрацию.

– А что с ним?

– Избили. Алкаш, похоже...

– Лизонька, чего же ты злая какая?! Молодая и такая злая?

– Да устала я, тётъ Зин. Надоело: что ни смена, то всё пьянчуги поступают, как гололёд, так балерины ползут. Ходить, что ли, нормально разучились?

– Это же люди, с ними всякое случается. И я иной раз падаю, ходить тяжело, если скользко. Так что, я тоже плохая?

– Нет, конечно, просто устала я, вот и ворчу. Спать охота.

– Беги домой, я прикрою.

– У меня смена ещё сорок минут. Старшая узнает, орать начнёт. Дотерплю уж. Если вам не сложно, сходите к этому, к чурке.

– К какому чурке?

– Ну, к тому, что после драки. Он то ли таджик, то ли узбек, не знаю. Не хочу к нему даже заходить, как будто воняет в палате.

– Как же ты с такой нелюбовью к людям в медике пошла?

– Я педиатром буду! А здесь временно, так папа сказал. Вы же знаете... Ну что, посмотрите?

– Конечно, посмотрю. В какой он?

- Вторая интенсивная.
- В сознании?
- А поди пойми его, бормочет что-то.

Зинаида Петровна покачала головой: «Эх, молодёжь!» Застегнула халат, прицепила бейджик, на котором значилось «младшая медицинская сестра Коцубай З. П.», и отправилась в палату интенсивной терапии.

Осторожно открыла дверь, посмотрела на мужчину, лежавшего на простынях: да уж, тяжело ему пришлось. Лицо опухшее, даже глаз не видно, что там ещё под одеялом – вовсе непонятно, возможно, перевязка на перевязке. Ему повезло, что попал в смену Андрея Леонидовича. По мнению Зинаиды Петровны, он лучший хирург больницы, а главное, ко всем относится одинаково. Ей казалось, что для Андрея Леонидовича любой пациент в первую очередь имеет значение, как медицинский объект, а не личность. «Перед Богом и хирургом все равны», – говаривал он. И хоть многие недолюбливали его за якобы бесчувственность и сухость, дело своё он знал отлично.

Зинаида Петровна подошла к мужчине. Так и есть: Лиза даже лицо не обтёрла как следует. Женщина принесла тёплой воды, взяла ватный тампон и осторожно промокнула лоб мужчины.

– Гулия, Гулия... – зашептал он, еле размыкая пересохшие губы. Женщина смочила тампон питьевой водой и слегка коснулась рта мужчины, тот жадно слизнул.

«Да, дорогой, досталось тебе. И кто тебя так? Кому же ты, трудяга, дорогу перешёл?» В том, что мужчина трудяга, она не сомневалась, об этом говорила и смугло-чёрная кожа, какая бывает при долгом нахождении на улице в любую погоду, и рука с крепкими мозолистыми пальцами, показавшаяся из-под одеяла.

Когда Зинаида Петровна официально заступила на смену, то постаралась узнать что-то о пациенте из палаты интенсивной терапии. Но документов при нём не было, в сознание он не приходил, и никто его не хватился, не искал. Пациентов, действительно, поступило

много, Лиза была права. К концу дня ноги у Зинаиды Петровны гудели, плечи болели от тяжести вёдер с водой... Но она то и дело заходила в палату интенсивной терапии, справиться, не пришёл ли в себя пациент. Но тот лежал всё в той же позе и иногда что-то неразборчиво шептал. Женщине стало жаль его: ко всем пациентам приходят посетители, а если это запрещено, то звонят, пишут... И только этот лежит и никто его не ищет. И медперсонал к нему не спешит. С одной стороны, понятно – присесть некогда, быстро сделают необходимые процедуры и тут же к другим торопятся. Да уж, ноябрь всегда был тяжёлым месяцем...

Следующую смену она была в ночь, и ночь эта на удивление оказалась спокойной. Зинаида Петровна зашла к пациенту в палату, пододвинула стул, села на краешек. Много раз она видела, как больные быстрее приходили в себя, если рядом находились близкие люди. Было время, когда в реанимацию никого не пускали, и тогда пациент шёл на поправку дольше. Но стоило оказаться рядом близкому человеку, как больной, цепляясь за его голос, начинал борьбу за жизнь и выкарабкивался.

А к этому мужчине никто не приходил, цепляться было не за кого, и Зинаида Петровна решила посидеть с ним.

– Ну, здравствуй. Не знаю, слышишь ли ты меня, но расскажу тебе что-нибудь. Да вот только пока не решила что... А знаешь... Сегодня выпал снег. Наконец-то. Там, откуда ты родом, снега, наверное, не бывает... Хочешь, я расскажу тебе о своих родных краях? А ты, когда проснёшься, расскажешь о своих. Идёт? – Она уселась поудобнее, нашла его ладонь. – Я родилась в Марий Эл, знаешь какие там леса! Дремучие, могучие, волшебные. О марийских лесах легенды ходят, говорят, там ведуну жили. Мать в детстве шептала, что и моя прабабка была не простой. Но правда ли это, не знаю... У меня, видишь, ни дара врачевания, ни дара колдовства. А то я тем, кто с тобой такое сотворил, показала бы почём фунт лиха. Эх...

Глава 3

Зинаида Петровна ещё полчаса посидела рядом с Шухратом, рассказывая о дремучих марийских лесах, а после, вздохнув, засобиралась:

– Ну, выздоравливай, дружок. Пойду я, мою работу, кроме меня, никто не делает. На молодёжь надежды нет.

А в мутном сознании Шухрата возникла бескрайняя пустыня Кызылкум и прохладные воды Амударьи. Над знойным величием природы, раскинув крылья, пролетал сапсан, в полёте превращаясь в татуировку на белокожей шее.

– Тётъ Зин, ваш мужик в себя пришёл! – вместо приветствия объявила Лиза. Зинаида Петровна поморщилась, но замечания делать не стала.

– Говорит что-то?

– Вроде как память отшибло. Сегодня вот полиция должна прийти, может, что-то расскажет им.

Но Шухрат ничего не рассказал, потому что не мог вспомнить ни своего имени, ни обстоятельство, при которых его избili. В кармане куртки обнаружился ключ с прямоугольной биркой, на которой значилась цифра 23. Но какую дверь отпирает этот ключ, мужчина не знал. Полицейский пожал плечами, составил протокол и удалился. Теперь, когда пациент пришёл в себя, Зинаида Петровна застенялась беседовать с ним, но знала, что среди медперсонала не найдётся человек, который отнесётся к нему с состраданием, поэтому решила продолжать разговоры. В тихий час зашла в палату, села на стул рядом.

– Здравствуйте. Я Зинаида Петровна, можно просто Зина. Я за вами ухаживала, когда вы были без сознания.

Мужчина, помедлив, ответил:

– Я слышал ваш голос. Вы рассказали про лес...

– Да, про марийские леса! – обрадовалась женщина. – Это хорошо, что вы меня слышали. Неужели вы ничего не помните из того, что с вами произошло?

Он отрицательно помотал головой.

– Вы несколько раз повторили имя Гулия.

– Гулия? Нет, не могу вспомнить.

– Память вернётся, всё будет хорошо.

– Спасибо вам.

– Я найду позже...

А в нескольких остановках от больницы девочка с чёрными волосами, смуглой кожей и раскосыми глазами сидела на подоконнике длинного коридора и всматривалась в прохожих.

– Опять сидит, – перешёптывались женщины, стоявшие поодаль.

– Ага, жалко девчонку. Что за сволочь-то ребёнка обманывает!

– Ну что же сразу сволочь, может, случилось с ним что-то.

– Ой, не знаю!

– Все мы ходим под Богом... А Гулию жалко, второй день почти не ест, всё сидит тут, ждёт.

Они ещё немного поговорили и ушли, а девочка всё высматривала среди мужчин знакомую фигуру. По щеке текла прозрачная капелька, но она не замечала...

Зинаида Петровна заходила к Шухрату каждую смену, недолго беседовала и убегала по своим делам. Вскоре его перевели в общую палату, время шло, и физически он быстро шёл на поправку, однако память так и не возвращалась.

– Андрей Леонидович, куда его переведут, если он ничего не вспомнит? – Зинаида Петровна решила поговорить с заведующим отделением.

– Вероятно, в психоневрологическое.

– А сколько у нас ещё лежать будет?

– Недели полторы максимум, он быстро поправляется.

– Жаль...

Андрей Леонидович внимательно посмотрел на женщину и ничего не сказал. Однако в ближайшие три недели Шухрата не выписали. Он уже достаточно окреп и в ночные смены Зинаиды помогал с уборкой – менял воду, таскал

вёдра, подметал. А она принесла ему поношенную одежду сына. Иногда они сидели в дальнем углу коридора и разговаривали. Шухрат вспоминал обрывки прошлой жизни, но больше из детства и юности. Вспомнил, что он жил в Узбекистане, приехал сюда уже взрослым, вспомнил службу в армии. Но всё это были кусочки мозаики, целиком рисунок не появлялся. О некой Гулие вспомнить не получалось, и Зинаида стала думать, не послышалось ли ей, может, он что-то на узбекском сказал, а она не поняла.

Ближе к Новому году заведующий отделением сам подошёл к медсестре:

– Зинаида Петровна, сами понимаете, скоро начнётся наплыв, все эти корпоративы... Я не могу больше держать его в отделении.

– Понимаю, Андрей Леонидович. А куда его сейчас?

– Направлю в психоневрологическое, поговорил с их заведующим на планёрке. Вспоминает же обрывки из прошлого, значит, не безнадежен.

– А если и там не помогут?

– Определят в центр социальной адаптации...

– Для бомжей?

– Как сказать... Главное на улицу не выгонят.

Психоневрологическое отделение было в квартале от места, где работала Зинаида Петровна. Навещать Шухрата каждый день не получалось. Но в свои выходные она приходила, приносила домашней еды, чистые полотенца, забирала использованные. Они обменивались новостями, Зина рассказывала о своём отделении, Шухрат же знал весь персонал. Оказалось, что за то короткое время, когда он был рядом, она успела привыкнуть к тому, что во время уборки не надо поднимать тяжёлые вёдра с водой, да и к их неспешным разговорам привыкла.

Вот и Новый год. Зинаида Петровна 31 декабря отдыхала, но уже утром следующего дня должна была быть на службе, поэтому осталась дома, предпо-

читая выспаться. Накрыла стол, приготовила курочку для сына и сложила под ёлку подарки. Вечером приехал Андрей с семьёй, внуки тут же растащили пакеты, разложили их на полу, принялись играть. Взрослые провожали старый год, строили планы на новый. Зинаида Петровна любовалась своей семьёй, радовалась. Часа через два они засобирались домой, шумно и весело попрощались, и женщина осталась одна.

Села за стол – прибирать не хотелось – щёлкнула пультом и под звуки, доносящиеся с экрана, задремала. Снились ей густые марийские леса, вековые сосны, спрятанные от людей лесные озёра. Проснувшись, она как будто даже услышала хвойный запах, но поняла, что это пахнет сосновая веточка, подаренная внуками. Быстро прибралась, помыла посуду и вскоре снова была за столом, на этот раз в одиночестве. До Нового года оставалось сорок минут, и Зинаида неожиданно поймала себя на мысли, что думает о Шухрате.

Чтобы не быть человеком без имени, он начал представляться Рустамом. Он часто занимал её мысли в последнее время. Так уж устроена женщина – ей важно о ком-то заботиться. Раньше Зинаиде «кого-то» заменяли пациенты, хотя она ни к кому не прикипала душой. А вот Рустаму стала уделять больше внимания...

Казался он ей простым, бесхитрым. По характеру напоминал мужчин из детства: дедушек, отца, дядю. Все они были людьми работающими, со смуглой кожей, обветренными руками, сгорбленными от работы спинами. От них нередко пахло потом, навозом, соляркой...

Приехав в город учиться, Зина восхищалась городскими жителями, стеснялась своего деревенского происхождения. Горожане казались небожителями, до которых не дотянуться. Немудрено, что на третьем курсе медицинского училища Зиночка безоглядно влюбилась в нового преподавателя. Полгода страдала по нему, а когда поняла, что ещё немало и она получит диплом, выпустится

из училища и, скорее всего, их пути не пересекутся, перешла к более активным действиям. Это принесло плоды – преподаватель заметил молодую студентку, стал с ней встречаться. Но отношения не афишировал, ссылаясь на пересуды. Но ей это было и неважно, она любила и верила безоговорочно.

Результатом той любви стал сын Андрей, от которого отец с лёгкостью отказался, заявив, что это не его ребёнок. Зина была ошеломлена его словами: «Откуда я знаю, с кем ты спишь». Лишь с годами поняла, что образованность – не гарантия порядочности. Но тогда для неё мир рухнул, в каждом мужчине она видела обманщика.

В деревню вернуться не захотела – стыдно приехать с ребёнком без отца. Так и осталась в городе, с помощью родителей снимала комнату и подрабатывала в больнице. Когда Андрюшке было пять лет, познакомилась с Дмитрием, командировочным пациентом, случайно загремевшим в больницу в Йошкар-Оле. Начали встречаться и, спустя какое-то время, Дмитрий предложил переехать к нему в Нижний Новгород. Зина согласилась и, вероятно, это были самые спокойные годы в её жизни. Дмитрий оказался мужчиной надёжным, трудолюбивым, совсем как те мужчины, которые окружали её в детстве. И Андрюшу он любил, относился как к родному сыну, потому что общих детей бог не дал. Был у Дмитрия только один недостаток – частенько закладывал за воротник. Это его и сгубило – сел за руль в нетрезвом виде, не справился с управлением, погиб.

Прожив десять лет в достаточно спокойном и размеренном режиме, Зинаида вновь оказалась одна с сыном-подростком. Хорошо хоть квартира у них осталась, а вместе с ней небольшая дача в десяти километрах от Нижнего Новгорода. Замуж она больше не вышла, её целью стало дать образование сыну, поднять его на ноги. Андрей вырос, женился, купил в ипотеку квартиру, а Зина вышла на пенсию. Но долго усидеть дома не смогла, да и хотелось по-

мочь сыну с выплатой кредита, поэтому вернулась на работу в больницу. Всякое было в её жизни, а поглядеть, так в два абзаца всё уместилось. Но Зинаида Петровна на судьбу не жаловалась, считая, что жизнь у неё сложилась не так уж и плохо.

Глава 4

В феврале психоневрологическое отделение расформировали. На носу были выборы, и руководство умудрилось выбить спонсорские средства на ремонт здания: уж больно оно обветшало. Встал вопрос о том, куда девать больных. Тех, кому история болезни позволяла, переводили на дневной стационар. Шухрата направили в центр адаптации для людей без определённого места жительства. Морозным февральским утром шли они туда с Зиной, пытались шутить, но получалось плохо.

– Зина, не переживай. Везде люди живут, и я смогу.

– Не люблю о людях плохо говорить, но в этом центре ведь те, кто уже потерял человеческий облик.

– Я думаю, кто совсем его потерял, туда не идёт, а идёт тот, кто хоть что-то пытается исправить в своей жизни.

– Не знаю, Рустам, тревожно. Что ты там будешь делать?

– Глядишь, работу мне найдут.

– У тебя документов нет.

– Посоветуют, как быть, может, так Рустамом и останусь. Не переживай, Зина, а то я за тебя волноваться начинаю.

– Ладно, всё, что ни делается, к лучшему, говорят.

Но сердце её было не на месте, в Центре могут быть разные люди, да и не очень в таких местах любят людей с восточной внешностью. Даже ей самой приходилось страдать из-за марийского говора и миндалевидных глаз на широком лице, а что говорить о бедном Рустаме. Человек он безобидный, драться не полезет, всё стерпит, лишь бы шума

не было. За эти три месяца она изучила его довольно хорошо.

Центр оказался лучше, чем она представляла себе. Но мест было слишком мало, и то, что Рустама здесь долго держать не будут, Зинаида Петровна поняла сразу. Была надежда, что помогут с документами, а потом... А что потом? Появится у него паспорт, сможет он устроиться на работу. Да только на какую? А жить где? В общем, вопросов было много, Зинаида Петровна нервничала.

– Андрей, сынок, – начала она трудный разговор, когда сын пришёл к ней в выходной, – однажды в больницу привезли мужчину после драки, его сильно избили. Леонидыч над ним несколько часов колдовал. Но он потерял память.

– Кто? Андрей Леонидович?

– Да нет, конечно, Рустам, мужчина, которого избили.

– Понятно, имя значит, помнит.

– Нет, он его придумал, чтобы не быть безымянным. Не перебивай, Андрюш! В общем, он долго жил в нашей больнице, потом его перевели в психоневрологическое, а потом отделение закрыли на ремонт. Теперь Рустам живёт в центре для бомжей. – Она собралась с духом и выпалила – В общем, сынок, я хочу привести его сюда, к себе.

Андрей вскочил, ему не хватило воздуха, настолько сильно было удивление.

– Мать, ты чего! – почти закричал он. – С ума сошла?

– Андрюш, я понимаю, это звучит дико, но я вижу, что он хороший человек, и боюсь, если окажется на улице, то пропадёт.

– Мам, давай всех бомжей к тебе приведём, а? Он же может быть вором, бандитом, ну не знаю, просто придурком каким-нибудь.

– Нет, он не такой, я же вижу.

– Что ты видишь? Что ты о нём знаешь? Может, его за дело избили? Может, он рецидивист какой.

– Нет, он простой трудяга, таких сразу видно. Он и мухи не обидит.

– Вот пусть и сидит в своём бомжатнике.

– Помню, когда только начинала работать медсестрой, врач нам говорила: если есть хоть один шанс спасти человека, его надо использовать.

– В отношении пациентов, конечно! Но он же тебе никто, мам. Он даже не ваш пациент уже.

– Я долго проработала в медицине и многое повидала. Кому-то нужна не медицинская помощь, а рука помощи. И если она сейчас нужна Рустаму, то я протяну её.

– Нет, мама! Не смей приводить его сюда.

– Сынок, я уже решила...

– И долго ты собираешься держать его здесь?

– Держать я его не буду, захочет – уйдёт. Правда, ему некуда идти. Но я надеюсь, память вернётся, что-то вспоминает же постепенно. Врачи говорят: небезнадёжно.

– Мам, я против этого твоего Рустама! – Сын пытался повлиять на маму, но Зинаида Петровна осталась непреклонной.

Рустам тоже принял новость настроенно, можно сказать, испугался.

– Зина, мне и тут хорошо, – убеждал он. – Здесь кормят, обещали помочь с документами, вот только юриста жду, он один раз в месяц проводит бесплатные консультации.

– Рустам, здесь живут разные люди. Я переживаю, что с тобой что-то случится.

– Да что со мной может случиться?!

Как известно, если женщина чего-то захочет, то сопротивление бесполезно. Она готова была увести его тотчас же, но Рустам сказал, что переедет в следующий её выходной.

К этому времени Зинаида приготовила ему уголок в большой комнате, а сама заняла комнатку сына. Она не представляла себе, как они будут жить под одной крышей, её также обуревали сомнения. Иногда казалось, что она затеяла что-то совсем безумное, но внутреннее чутьё говорило, что всё она

делает правильно. И чем бы ни закончилась эта история, её сын и внуки не пострадают.

Глава 5

Через несколько дней Шухрат, смущаясь и чувствуя себя крайне неловко, переступил порог её квартиры. Она показала ванную и его принадлежности, тумбочку с вещами, показала, где что лежит на кухне и взяла с него слово, что он будет пользоваться всем, не стесняясь. Весь день они не знали, куда деть себя: ситуация для обоих была необычная. Зинаида спасалась тем, что колдовала на кухне, а Шухрат смотрел телевизор. Вечером пришёл Андрей, устроил Шухрату допрос. Мучил его вопросами и пытался подловить на несоответствии ответов. Зинаида волевым решением прекратила этот диалог, и Андрей, ворча и бурча, отправился пить чай, а потом и вовсе уехал.

На следующий день Зинаида с утра ушла на работу, Шухрат к этому времени уже проснулся, застелил постель и сидел на уголке дивана, сложив руки на коленях. Зинаида покормила его завтраком, дала указания по обеду и ушла в больницу.

Когда вернулась, обнаружила мужчину на том же месте, к еде он не приронулся и вообще, казалось, не вставал с места.

– Рустам, ну ты что, весь день голодный сидишь?

– Так я ничего и не делал, с чего мне голодать?

– Но ведь целый день прошёл! Что ты вообще делал? Телевизор смотрел?

– Нет.

– А что делал?

– Ничего. И не могу я так, Зина. Плохо мне так сидеть, мне бы работу какую-нибудь.

– У тебя завтра лечение, – напомнила она.

– Это же всего на несколько часов, а потом что мне делать?

– Вернёшься сюда, я ключи тебе дам.

– Нет, не могу я просто так сидеть в твоём доме, есть еду, которую ты приготовила. Стыдно мне, плохо так жить.

– Рустам, ну в центре ведь ещё хуже.

– Надо мне работу найти, – повторил он.

– А документы?

– Попробовать без них устроиться.

– А если «кинут», то есть не заплатят, много же всяких негодяев...

Ни о чём-то в тот день они не договорились. Хотя Зинаида и всучила ключи Шухрату, к ней один он не пошёл. Как можно дольше сидел в больнице, а потом вернулся и ждал возле подъезда, несмотря на мартовский холодный вечер. Зина сокрушалась, ворчала, уговаривала, но он остался при своём мнении: не могу так, и всё!

Помощь пришла оттуда, откуда не ждали – от Андрея. Однажды он заглянул к матери вечером:

– Слушай, а пойдёт он дворником работать? У нас в офисном центре объявление висит, что требуется дворник. Зарплата, правда, небольшая. Но всё же лучше, чем у подъезда торчать.

– А документы, сын?

– Давай на тебя оформим, будто ты на полставки работаешь, зарплату сама будешь получать.

– А так можно?

– Думаю, да, им же главное, чтобы чисто было. Надеюсь, справится твой джигит.

– Не знаю, наверное. На бездельника не похож, в ночные смены приходит в отделение, помогает с хозяйством управляться.

– В общем, я хозяина офиса знаю, завтра зайду к нему, поспрошаю.

– Ой, как хорошо-то, сынок!

– А ты спроси пока у Рустама своего, согласен ли он работать дворником?

Шухрат обрадовался, готов был бежать на работу следующим же утром, но сперва требовалось утрясти формальности.

Через пару дней всё было оформле-

но, и он приступил к работе. Руки тут же вспомнили привычные движения, мышцы радостно загудели, в жизнь Шухрата возвращался смысл.

Неясным оставалось только одно – кто такая Гулия. Он чувствовал, что это важно вспомнить. Несколько раз ему снилась девочка с чёрными косичками, но проснувшись, кроме этих косичек он ничего не помнил. А может, это его дочь или сестрёнка? Непонятно... Он силился, напрягал память, но вспомнить не получалось.

А девочка с чёрными косичками уже отчаялась увидеть близкого ей человека. Украдкой плакала, перебирала бесхитростные подарки, вспоминала вкус самсы, которую он приносил ей по субботам. Раньше она была не одна, у неё был родной человек, а вот теперь совсем-совсем никого не осталось.

Глава 6

Жизнь Зины и Шухрата всё больше напоминала супружескую. Нет, смотреть на неё, как смотрят на женщин, Шухрат себе не позволял. Но быт их говорил об обратном. Женщина готовила еду, стирала одежду. Мужчина каждый день ходил на работу, и в ночные смены всегда приходил в больницу помогать с уборкой, встречал её с работы, нёс сумки.

Зарплату получала Зина, отдавала ему, но Шухрат возвращал, мол, мне тратить некуда. Но потом неизменно находил пару купюр в кармане – мало ли зачем понадобятся! Однажды в каком-то порыве благодарности купил чайный сервиз с восточными узорами и торт. Сидели на кухне, чаёвничали, обсуждали цветы на чашках, а потом дружно перемыли посуду. Они обростали общими знакомыми, в больнице уже привыкли к Шухрату, считая его гражданским мужем Коцубай. Соседи перестали задавать вопросы. Даже Андрей как-то смирился, стал мягче. А когда Шухрат протянул его детям самодельные свистульки

и те, визжа от радости и посвистывая, бросились во двор играть, у него даже возникло чувство, будто это дедушка его детей.

Сильно сблизила дача, куда Зина и Шухрат начали приезжать каждые выходные. Андрей агротруд не жаловал (сказывались отцовские гены), поэтому Зина обычно одна возилась на своих четырёх сотках. Но этой весной всё было иначе: с Шухратом они вскопали весь огород, посадили рассаду, он спилил старые ветки деревьев, ошкурил дощатые стены домика и обновил их свежей краской, подправил забор. В общем, сделал много мужской работы, которой старая дачка почти не видела со времён гибели Дмитрия.

Шухрат нашёл старый казан, долго чистил его песком. Затем колдовал над мясом и рисом и накормил Зину настоящим узбекским пловом. Он не мог вспомнить, откуда знает рецепт, наверное, отец когда-то научил, но руки помнили всё. Зина, осматривая свои владения, была счастлива – в её маленьком государстве порядок.

Разгадка о настоящем имени Шухрата пришла неожиданно.

У Зины закончился отпуск, она вышла на работу и в первое же дежурство поступил её старый знакомый – председатель ЖЭУ. Мужчина обрадовался, увидев Зинаиду:

– Петровна, здравствуй!

– О, Алексей Николаич, какими судьбами ты здесь?

– Да вот, решил навестить тебя, сама не приходишь, к себе не зовёшь. А если гора не идёт к Магомету...

– Ну, добро пожаловать, располагайся. Хочешь, по дружбе клизму поставлю?

– Э, нет! Давай без этого обойдёмся. А вот от чайку не отказался бы, жена только вечером сможет прийти, так что я тут пока на сухом пайке.

Минут десять спустя она пришла к нему в палату с дымящейся кружкой, печеньем и парой конфет.

– Рассказывай, что случилось?

– Да спину прихватило, говорят, то

ли грыжа, то ли защемление. На обследование положили, я сопротивлялся, как мог.

– А не сопротивляйся, лучше побереги себя.

– Ой, да как беречь-то, Петровна? Эта зима вообще какая-то бедовая выдалась. То снег крышу проломит, то авария, а тут ещё дворник пропал, пришлось за него снег чистить, вот, видать, и надорвался.

– Как пропал? В запой, что ли, ушёл? – просто чтобы поддержать беседу спросила Зина.

– Да не-е-е, я за ним такого не наблюдал. Он у нас в ЖЭУ ещё со времён царя Гороха работал, ему комнату в общежитии дали даже. Нормально работал мужик, вообще проблем не знал с ним, а потом раз и исчез. В комнате своей его нет, никто нигде не видел, будто сквозь землю провалился. Даже за зарплатой не пришёл. Разве бывает такое?

– Бывает, Николаич, бывает, – протянула Зина, которую посетила догадка. – А когда пропал твой дворник?

– Да год назад, наверное. Хотя нет! Осенью, в ноябре, что ли... Точно! Снега ещё не было, потому я сразу и не заметил, мусора-то не особо много было, а как снег выпал, а никто его не почистил, тут я и заметил, что Шухрика нет.

– Шухрика?

– Ну да, мы так его кликали. Шухрат – настоящее-то имя, а мы уж сокращённо-ласкательно. Хороший был мужик.

Для Зинаиды пазл сложился: одинокий мужчина, живёт неприметно, трудится, никто о нём ничего не знает, потому как не особо-то и нужно знать. А как его работа «встала», так и заметили отсутствие человека, да только снова никто не искал.

На следующий день она пришла в больницу с Шухратом, Алексей Николаевич вскочил с кровати, схватившись за спину:

– Шухрат! Дорогой, ты ли это? Ну, надо же, жив, чертяка! А мы-то думали, куда пропал, уж не случилось ли что.

Шухрат смотрел на бывшего начальника и не узнавал. Зинаида Петровна

рассказала, при каких обстоятельствах к ним поступил Шухрат, и что ничего из недалёкого прошлого он не помнит.

– Во дела, брат!.. – протянул Алексей Николаевич.

– У Руста... У Шухрата в куртке был ключ, с номером 23. Не знаешь, от чего он? – спросила Зина.

– Дык от его комнаты в общежитии!

– А общежития где?

– Смоленская, 8. Раньше там давали комнаты от объединения, помнишь, Петровна?

– А, поняла где это, тут недалеко.

– Ага, рядом. Сходите туда с Шухратом, может, вспомнит чего.

– А не знаешь, кто мог его покалечить?

– Не-е-е, он же тихоня. Придёт, работу свою сделает и незаметно уйдёт. Сколько раз мы его звали то пятницу отметить, то просто посидеть, он сядет в уголок, не пьёт, так пожуёт чего-нибудь и всё. Больше слушает и улыбается шуткам нашим. А о себе больно-то не рассказывал, и мы в душу не лезли. Главное же – работает хорошо и неконфликтный. Для коллектива что ещё надо?

Глава 7

Следующим утром они с Зиной пошли в общежитие. Оба заметно нервничали. Шухрат думал, сможет ли он узнать что-то о себе и вспомнить о Гулии. Кто она такая, почему он называл её имя? Зина переживала не меньше.

Поднялись на второй этаж, нашли дверь с номером 23, Шухрат повернул ключ на два оборота, и они вошли. Да уж, комнатка маленькая, ладно хоть окно есть. Затхлый запах, старенькая раскладушка с матрасом и постельными принадлежностями, скрученными в рулон, на полу будильник с глубокой царапиной.

Шухрат постоял несколько минут, осматриваясь. Затем бесшумно подошёл к комоду и выдвинул верхний ящик. Не спеша осмотрел содержимое, через не-

сколько минут протянул Зине папку с документами: паспорт, свидетельство о праве на жилую площадь, ещё какие-то документы. Оказалось, Шухрату всего 54 года, он был моложе Зины на шесть лет, хотя внешне они выглядели ровесниками.

Он разглядывал фотографии, которые тонкой стопочкой лежали тут же. В основном чёрно-белые, с потрёпанными уголками, вероятно, семейные. Но одна фотография отличалась – она была цветной, видно было, что сделана не так давно. С карточки смотрела девочка с чёрными волосами и двумя косичками по бокам.

– Зина, это Гулия, – прохрипел он, вмиг осипшим голосом.

– Вспомнил?

– Нет, но чувствую, что она, и снилась мне именно она.

– Шухрат, – Зина привыкала к его настоящему имени, – Мы же узнали, кто ты на самом деле, значит, и она найдётся. Поспрашиваем у соседей, у вахтёров, кто-то должен же знать.

Во втором ящике мода аккуратной стопкой лежала одежда. Под ней сберегательная книжка и наличными небольшая сумма. Шухрат открыл сберкнижку – двести пятьдесят тысяч.

– Смотри, а я, оказывается, богач!

– Ага, только по комнате не скажешь.

Шухрат в ответ лишь пожал плечами. Он стоял посередине комнаты, комкал какую-то тряпицу, о чём-то думал, сощурился и без того узкие глаза. Зина села на раскладушку, вытянула уставшие ноги, смотрела в пыльное окно. Наконец он спросил почти шёпотом:

– Можно я к тебе вернусь?

Зина ответила, не задумываясь:

– Конечно!

– Мне всё здесь незнакомо, не знаю даже, как здесь жить и что делать. Я не помню эту жизнь, а ту, где есть ты, я знаю.

Это прозвучало почти как признание, и Зина незаметно смахнула слезинку.

Они забрали документы, фотографии, деньги, сберкнижку и кое-что из одежды, больше ничего ценного в ком-

нате не было. Вернулись домой, и всё пошло по-прежнему. На старую работу Шухрат пока не вернулся, председатель ждал его осенью, когда появится листва на тротуарах.

Каждый день он разглядывал фотографию девочки с косичками, силился вспомнить, кто же это, но память тормозила. «Лучше бы я забыл службу в армии или детство, но не её – думал Шухрат. – Девочка – это настоящее, а детство прошлое». Опрос соседей и вахтёра общежития ничего не дал. Гости к Шухрату не ходили, в общежитии он ни с кем больно-то не дружил, был вежлив на общей кухне, давал в долг до полочки, но на этом всё. Вахтер, морща лоб, вспомнила, что после новогодних праздников сюда приходили две женщины, спрашивали его, но кто они и по какому поводу ищут тихоню-дворника, не знала.

Глава 8

Деревья окропились первыми жёлтыми листьями, ночи стали прохладнее, дачный посёлок наполнился ароматом яблок. Шухрат и Зина потихоньку завершали садово-огородный сезон, собирали урожай. Зина «крутила» банки, варила варенье. Шухрат перекапывал, перетаскивал, убирался – готовил сад на зимовку. Старенькая дача преобразилась с появлением Шухрата.

Приехал Андрей с семьёй, нажарили шашлыков, Шухрат приготовил узбекский плов. Устроили проводы лета. Андрей к «джигиту» не придирался, когда стало известно, кто он, вовсе успокоился. Мама была права – обычный трудяга да ещё и со своей жилплощадью и вроде как со сбережениями. Видел, что и матери хорошо с Шухратом: мужик немногословный, но рукастый, совсем как дед в деревне.

Шухрат вернулся на свою прежнюю работу. «Подшефная» территория была небольшой и много времени не отнимала.

Снова наступил холодный и ветреный ноябрь. Люди, ожидая снега, облачились в куртки, спешили по своим делам, стараясь не казать носа из дому. Но были и те, кто не замечал ненастной погоды, кому всегда весна... И согревали их не светлые чувства и добрые дела, а различные органические и неорганические возбудители и салоны дорогих иномарок.

Именно в такую машину плюхнулся молодой человек, взялся за руль, попытался сфокусировать взгляд на дороге. Получилось, но не сразу. Повернул ключ зажигания и тронулся с места. Быстро набрал скорость, опустил стекло и вроде даже голова прояснилась. Вчера в клубе познакомился с одной... Она такая сдобненькая и оставила номер своего телефона.

Парень достал сигарету, на минуту задумался, может, чего покрепче забить... Но решил отложить – сперва звонок «прекрасной даме». Эх, жизнь – удивительная вещь! Прикурив и надав газу, бросил взгляд на дорогу. На мокром асфальте показалось что-то неожиданное – то ли пень, то ли хрень какая-то. Парень резко вывернул руль в сторону и задел угол здания. Машина подпрыгнула, перевернулась несколько раз и вновь встала на колёса. Сидевший в машине человек уткнулся лбом в руль.

Шухрат возвращался из больницы. Зина была сегодня в ночную, и он, по обыкновению, приходил помочь с уборкой, хоть она каждый раз говорила, что не надо, что на двух работах он и так физически устаёт. Шухрат кивал, но каждое ночное дежурство появлялся вновь. И, откровенно говоря, для Зинаиды это было лучшим комплиментом и подарком. Всё, что ей необходимо для жизни, она может купить и сама, а вот простое человеческое участие за деньги не купишь.

Мужчине оставалось пройти перекрёсток и свернуть во дворы, когда он услышал звук приближающейся машины и громкую музыку. Обернулся – на большой скорости летел автомобиль, из

которого и слышалась эта музыка. Шухрат остановился. Машина стремительно пронеслась мимо него, но неожиданно свернула вправо и врезалась в угол дома. Словно в замедленной киносъёмке, он видел, как сминается металл капота, как несколько раз автомобиль переворачивается и встаёт в привычное положение на колёса.

Шухрат побежал к машине. Дёрнул на себя ручку водительской двери, та поддалась не с первого раза. Наконец он открыл её, не раздумывая ни секунды, подхватил сидящего за рулём человека за подмышки и принялся вытаскивать из салона.

Ноги водителя застряли, Шухрат максимально бережно освободил их, стараясь не делать резких движений. Водитель застонал. Вытащив парня, он поволок его подальше от машины, которая представляла опасность.

Оттащив подальше, он аккуратно положил водителя на землю. Снял свою куртку и попробовал просунуть пострадавшему под голову. В свете фонаря на молодой белой шее Шухрат увидел татуировку, – расправив крылья, летит сапсан.

«Сапсан – самая быстра птица, сын-нок. Смотри, какая она красивая! Но при этом она опасна для многих безобидных существ», – говорил ему отец, и маленький Шухрат с восхищением смотрел на стремительный полёт птицы высоко в небе.

А сейчас он глядел на искусно наколотый рисунок на молодой белой коже, и в его памяти одна за другой менялись картинки из недавнего прошлого.

Вот он спешит за самсой... Вот ему осталось совсем чуть-чуть, когда его останавливает группа парней. «Здрасьте, уважаемый!..»

Вот под дружный хохот его сбивают на мокрый асфальт, и он, лёжа, ощущает на себе удары рук, ног...

Вспомнил, кому он хотел купить самсу, вспомнил – Гулие.

Гулия – маленькая узбекская девочка, она осталась совсем одна на белом свете и живёт в детском доме. И он оди-

нок. Это их сближает. А ещё сближает узбекский язык, на котором они разговаривают. Их объединяет самса, которую Гулия очень любит, но в детском доме её не готовят, поэтому он покупает и приносит ей. Он дарит сироте незамысловатые подарки, чтобы у неё было что-то своё, личное, а не только государственное. А ещё он хочет, чтобы у неё было будущее, и чтобы она была счастлива и за него тоже. Поэтому он копит деньги, чтобы дать ей хорошее образование, чтобы она могла одеваться не хуже других детей.

Казалось, вся жизнь промелькнула в одно мгновение.

Внизу, на коврике машины, дымилась недокуренная сигарета, с соседнего сиденья из бутылки виски тонкой струйкой стекало её содержимое. Ещё несколько секунд и машина вспыхнула одним высоким и яростным костром. Как и ожидал Шухрат, прогремел оглушительный взрыв. Не зря он оттащил потерпевшего подальше от машины.

Шухрат посмотрел, как опустились на асфальт пылающие куски машины, бросил взгляд на проходящего в себя парня с наколкой на шее и пошёл прочь.

Глава 9

Он не спал той ночью и еле дождался возвращения Зинаиды со смены. Та пришла уставшая, ноябрь – время наплыва пациентов, но сразу заметила возбуждённое состояние Шухрата. Он рассказал всё, что минувшим вечером вспомнил и, только когда мысли и чувства оформились в слова, разрыдался, уткнувшись в её плечо. Она прижалась щекой к его жёстким волосам и плакала вместе с ним.

После обеда они пошли в детский дом – утром-то девочка учится. Чем ближе они подходили к нему, тем сильнее колотилось сердце мужчины. Зина, ободряюще взяла его за руку, так и шли...

Гулия вернулась из школы, пообедала и поднималась в комнату для девочек. Машинально подошла к окну в кон-

це коридора – она делала так каждый день, скорее всего, по привычке. Но то, что теперь увидела, заставило её задохнуться от восторга и вскрикнуть.

Шухрат-ака спешил к детскому дому и то, что это именно он, сомнений не было. Ещё секунду она смотрела в окно, а потом бросилась к лестнице.

– Куда, глупышка, замёрзнешь! – крикнула вахтёр, но Гулия была уже во дворе.

Добежала до Шухрата и кинулась ему на грудь.

– Шухрат-ака, Шухрат-ака... – шептала она, захлёбываясь слезами. А он всё гладил и гладил её по голове, не вытирая слёз, у самого стекавших ручьями по щекам.

Часом позже Зинаида Петровна пила чай в кабинете воспитателя, Шухрат с Гулией ушли в пекарню за самсой. Это противоречило правилам детского дома, но теперь пошли им навстречу.

– Гулия поступила к нам три года назад, ей было восемь, – начала свой рассказ воспитатель. – Родители умерли, родных никого, не знаю, что у них случилось. Была как зверёк, по-русски почти не говорила, сидела в углу, сжавшись в комочек, постоянно плакала. А потом Шухрат устроился к нам дворником. Он тоже узбек, и когда она его увидела, то сама подошла к нему, и они начали общаться. И Гулиюша ожила, как по-русски говорить начала, мы и не заметили. В школу пошла, учится хорошо, правда, чуть с запозданием. Ей сейчас одиннадцать, а она в третьем классе, хотя внешне и выглядит как третьеклассница – маленькая, худенькая. Пока Шухрат работал здесь, всё нормально было, а потом его сократили, должность дворника и уборщицы объединили, будто им работы не хватает. Но он её не бросил, приходил несколько раз в неделю, сидели на первом этаже в холле, болтали по-узбекски и по-русски. Если не совсем поздно было, то их пускали в столовую, они там со своей выпечкой чаёвничали. Обычно мы стараемся не подпускать к воспитанникам посторонних, мало ли какой умысел. Но директор тут не была

против, Шухрат как-то сразу внушил доверие.

А год назад пропал, просто не пришёл, и всё. Гулия переживала, даже заболела, но потом подружки вытащили её потихонечку из депрессии. У нас здесь хорошие ребята живут. Гулия упростила найти его дом и наши воспитатели сходили в общежитие – документы-то в отделе кадров есть. Но не смогли найти, сказали, что не появляется давно, – воспитатель устало вздохнула. – Я очень рада, что он вернулся. Всем нужен близкий человек, а у наших воспитанников их нет, мы стараемся, как можем, но ведь всё равно родных и близких не заменишь.

Несколько дней город гудел, как улей, – на двадцатилетнего сына депутата покушались, подстроили аварию. И только чудом он остался жив. А ещё помог неизвестный мужчина, вытащивший парня из машины. Депутат просит спасителя откликнуться, обещая вознаграждение.

– Уж лучше бы сгорел! – в сердцах бросила Зина. Шухрат удивлённо посмотрел на неё, она, заметив его взгляд, добавила: – А что из него получится, из этого сыночка?! Нормальным человеком точно уж не станет.

– Всякое бывает, – тихо ответил мужчина.

– Станный ты. Он тебе жизнь сэкономил, чуть не убил с друзьями, такими же подонками, как и сам, а ты... – Зинаида мыла посуду после ужина и необычно звонко гремела чашками-тарелками. – И Гулия, бедняжка, совсем одна осталась бы.

Шухрат молчал, опустив глаза. Зинаида закипала: её впервые раздражала безропотность Шухрата:

– Надо ведь иногда и зубы показывать!

– Зина, я жил один, экономил, спал на раскладушке, чтобы только Гулию поднять на ноги. После того случая так и помер бы в одиночестве. А сейчас у меня есть ты. Можно сказать, семья у меня появилась, племянница и... – он замолчал, не зная, как произнести вслух то, что никому никогда не говорил.

Зина покраснела, как школьница. Он высказал то, о чём она думала в последнее время – Шухрат стал ей настолько близким человеком, что она хотела бы встретиться с ним старость. Вместо слов в ответ она под села к нему на диване поближе и обняла.

– Зина, давай поженимся, – выдавил он и посмотрел ей в глаза. – Отец всегда говорил, что семья – это главное. У нас и была большая семья, у меня три брата и две сестры было, но никого не осталось. Раньше ходил всю жизнь бобылём, не знал, как оно это свою семью иметь. А сейчас знаю.

Шухрат сбивался, заикался, у него появился сильный акцент, чувствовалось – волнуется.

– Хорошо, Шухрат, поженимся, – прошептала Зина и добавила: – Я всегда дочку хотела, а видишь, Бог одного сына дал, да и у него пока только сыновья. Как думаешь, отдадут нам Гулиюшу?

– Не знаю, Зина, я же в этих вопросах ничего не понимаю.

– Разберёмся, Шухрат, со всем, что требуется, разберёмся.

– Конечно... – Он счастливо улыбнулся, отчего глаза его превратились в щёлочки.

Два немолодых человека сидели на старом диване, прижавшись друг к другу, и были счастливы. Счастье ведь оно не про возраст и не про страсть, оно не про деньги и не про положение в обществе. Оно приходит невзирая ни на что, к тому, кто делает счастливым другого.